

**«КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» КАК ФЕНОМЕН ПРАВОГО МОДЕРНА
В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

О. Э. Терехов

**«CONSERVATIVE REVOLUTION» AS A PHENOMENON OF RIGHT WING MODERNISM
IN WEIMAR REPUBLIC IN GERMAN HISTORIOGRAPHY**

O. E. Terekhov

В статье анализируется оценка германскими исследователями проблемы феномена «консервативной революции» как выражения идеологии праворадикального модерна в Веймарской Германии.

The paper discusses German researchers' estimations of «Conservative Revolution» phenomenon as an expression of right radical modernism ideology in Weimar Germany.

Ключевые слова: «консервативная революция», германская историография, модерн.

Keywords: Conservative Revolution, German historiography, modernity.

Видный германский исследователь Д. Пойкерт озаглавил свою книгу по истории Веймарской республики «Веймар. Кризисные годы классического модерна» [9]. В этом заглавии Пойкерт довольно точно отразил суть процессов, происходивших в первой немецкой республике. Веймарская республика являлась сосредоточием глубоких и зачастую несовместимых друг с другом противоречий. Эти противоречия были отягощены общеевропейскими тенденциями формирования современного позднеиндустриального общества. В Веймарской республике параллельно существовали и развивались, на первый взгляд, несовместимы тенденции – глубокая архаика и самые передовые инновации в политике, культуре, экономике.

По существу 14 коротких лет существования республики пришлось на высшую точку подъема европейского кризиса классического модерна или периода «рефлексивной модернизации», по словам известного германского социолога У. Бека [6], под которой он понимал кризис модерна, то есть такую ситуацию, когда модерн становится проблемой для самого себя и требует переосмысления своих базовых основ. Первые признаки того, что европейский модерн становится проблемой для самого себя появились в конце XIX в. Первая мировая война катализировала процесс «рефлексивной модернизации». Именно на 1920-е – 1930-е гг. приходится пик духовного и общественно-политического кризиса в Европе, в рамках которого рождалась современная нам ситуация. В свою очередь «рефлексивная модернизация» расширила интеллектуальные возможности познания окружающей действительности.

Идеология немецкой «консервативной революции» во многом уникальное интеллектуальное явление в истории Германии XX столетия. Парадоксально уже само словосочетание «консервативная революция», вобравшее в себя казалось бы несовместимые смысловые и лексические единицы. Парадоксальна была и та мировоззренческая и идеологическая система, которую она выражала. Феномен «консервативной революции» возник в Германии на пике общественно-политического кризиса 1918/1919 гг. Поражение кайзеровского рейха в Первой мировой войне, Ноябрьская революция, учреждение демократической

Веймарской республики, Версальский мирный договор нарушили привычный жизненный уклад немецкого общества и перевернули общественные представления немцев.

В условиях краха идеологии традиционного германского консерватизма начинается раскол внутри лагеря германских консерваторов. Представители молодого и частично среднего поколения немецких консерваторов выступили против возвращения к традиционной консервативной идеологии и политики, что привело к появлению младоконсервативного движения, которое поставило своей целью привести в соответствие с современностью основные идеи и цели немецкого консерватизма. Фактически «консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера в условиях межвоенного кризиса европейского модерна.

В трудах ведущих представителей «консервативной революции» О. Шпенглера, А. Мёллера ванн ден Брука, Э. Юнгера, К. Шмитта и др. отразились различные теоретические и идейные аспекты периода «рефлексивной модернизации». Такие произведения как «Закат Европы» О. Шпенглера [3; 4], «Рабочий» Э. Юнгера [5], «Понятие политического» К. Шмитта [2, с. 37 – 67] вызвали не только общественно-политический резонанс, но и широкую научную дискуссию. «Консервативные революционеры» сформировали правый интеллектуальный фронт «рефлексивной модернизации», в котором любое проявление принципов рационализма, веры в прогресс и т. д. расценивалось как уловка «буржуазного разума» и подвергалось жесткой критике. Германия, как страна «поздней модернизации», особенно остро переживала эту ситуацию во всех областях жизни и культуры, а Веймарская республика считается образцом синтеза архаики и модерна.

Проблема выявления модернистских черт в идеологии «консервативной революции» неоднократно привлекала внимание немецких исследователей. К. Волльхальс в статье «Шпенглер и национал-социализм. Дилемма консервативного революционера» [12] пришел к выводу о том, что «консервативная революция» и национал-социализм были антиконсерватив-

ными идеологическими течениями в той мере, в какой они отвергали христианско фундированный консерватизм. По мнению Волльнхальса, оба направления германского радикального консерватизма можно отнести к проявлению феномена фашизма, возникшего как оборонительная реакция буржуазии после Первой мировой войны [12, s. 301]. Впоследствии Волльнхальс несколько изменил свою точку зрения на феномен «консервативной революции», под которой предложил понимать направление немецкого консерватизма в Веймарской республике отличное по форме и содержанию от традиционного консерватизма. Суть «консервативной революции» может быть выражена понятием «реакционный модернизм». Идейные истоки «консервативной революции» находятся в идеологии и практике военного национализма периода Первой мировой войны, стремившегося соединить идеи модернизации, технократии и социализма [13, s. 137].

Одной из первых попыток рассмотреть историю «консервативной революции» в контексте ее модернистской сущности принадлежала перу немецкого исследователя греческого происхождения, человека левых политических убеждений П. Кондилиса, который в своей известной работе по истории возникновения и развития европейского консерватизма довел до логического завершения особенности историко-социологического подхода в изучении консерватизма [8]. Кондилис определял консерватизм не как историческое или антропологическое явление, а как «конкретное социологическое и историческое явление, связанное с определенным временем и местом» [8, s. 11]. Он утверждал, что консерватизм как феномен ушел в историю вместе с уходом с идеологической и политической сцены аристократии. Идейно-политические феномены, которые мы называем консерватизмом, применительно к правым течениям конца XIX – XX веков имеют с ним мало общего, а являются выражением ортодоксального либерализма или буржуазной реакцией.

В подобной исследовательской перспективе немецкая «консервативная революция» предстает как реакция буржуазии на послевоенный кризис. Кондилис связывал процесс радикализации большей части германской буржуазии в Веймарской республике не с каким-либо поиском особого «немецкого исторического пути» или проявлением особого «прусского» духа, а с особенностями внутри- и внешнеполитического положения Германии после 1918 года [8, s. 469]. Без военного поражения Германии от либерально-парламентских держав Запада, без подписания Версальского мирного договора не было бы необходимости в идеологии «консервативной революции». Характерной чертой идеологии германской радикальной буржуазии было сильное влияние на нее национальных мифов и легенд, переработанных идеологией фёлькише, культурпессимизма Ницше, социал-дарвинизма и национальной проблемы «модными» интеллектуальными течениями эпохи рефлексивной модернизации «Сильное авторитарное государство, какую бы форму оно ни приняло, должно было полностью или частично устранить парламентаризм и вместе с ним политический либерализм, чтобы сохранить либерализм экономический» – резюмирует он [8, s. 489].

Кондилис отмечает фрагментарность идеологии «консервативной революции», которая, по его мнению, не была целостной. Ее характерной чертой являлось то, что важнейшие вопросы трактовались не столько на теоретическом уровне, а сколько в публицистической и литературной манере. Исходной точкой рассуждений «консервативных революционеров» были не конкретные социально-политические проблемы, выраженные в теоретической форме, а сугубо национальные заботы Германии: страны между Востоком и Западом, между капитализмом и коммунизмом, находящейся между поражением и новым подъемом [8, s. 475].

Кондилис обозначает следующие признаки различия «консервативной революции» и классического консерватизма:

1) ориентация «консервативных революционеров» на узко национальную проблематику, что противоречит поискам классического консерватизма основ универсального и божественно санкционированного порядка;

2) фёлькишесткая ориентация национальной мысли «консервативных революционеров» была продуктом распада классического консерватизма, который иначе понимал и представлял национально организованное и иерархически унифицированное общество;

3) ориентация «консервативной революции» на современность и будущее, тогда как классический консерватизм был целиком обращен в прошлое, в «золотой век» аристократии [8, s. 475 – 477].

Кондилис также ставит проблему сущности «консервативной революции», а именно насколько она была революционной и насколько консервативной. Революционной она была, с его точки зрения в том смысле, что хотела разрыва с буржуазно-либеральной и социалистической современностью. Консервативной она может считаться: во-первых, в связи с критикой политического и социального либерализма, но не либерализма экономического. Во-вторых, в связи с антикоммунистической направленностью. «Консервативные революционеры» отвергали деление общества на классы и воспринимали его как единое целое, как нацию. Националистические и авторитарно ориентированные концепции государства в идеологии «консервативной революции» базировались на идеях экономического неолиберализма. В этом Кондилис усматривает идеологическую асимметрию «консервативной революции», которая вобрала идеи фёлькишестко-корпоративного и, одновременно, экономико-либерального представления о государстве.

П. Кондилис в контексте своих представлений о «консервативной революции» как проявлении идеологии реакционной либеральной буржуазии, тем не менее, признает существование ряда отличий между различными ее направлениями. Кондилис выделяет в «консервативной революции» два главных направления: «правое» и «левое». Странники «правого» направления ориентировались на синтез христианства, либерализма и некоторых идей кайзеровского рейха. В частности Кондилис считал А. Мёллера ван ден Брука наиболее репрезентативной фигурой идейного континуитета между «консервативной революцией» и немецким консерватизмом кайзеровской эпохи. Сто-

ронники «левого» разрабатывали утопические социальные проекты. Но оба направления ставили в центр своих идейных исканий национальный вопрос и проблему национализма. Оба направления использовали антизападный аффект и были антидемократического и антипарламентского характера. В обоих направлениях проявлялись этические мотивы: нигилизм, героический реализм. И, наконец, оба направления использовали соответствующую однотипную идеологическую и политическую лексику [8, s. 479 – 480].

Ш. Бройер выделяет два этапа европейской модернизации простой и рефлексивный. Первый сформировал классическое буржуазное рыночное общество. Вторым явился итогом кризиса буржуазного сознания конца XIX – начала XX вв. и был предпосылкой перехода к индустриальному массовому обществу [7, s. 15 – 16]. В силу специфики исторических условий процесс модернизации в Германии протекал крайне болезненно. Благодаря ускоренному экономическому развитию, начавшемуся после объединения страны, простая модернизация накладывалась на рефлексивную, что порождало системный кризис общественного сознания немцев. В этом он усматривает суть идеологии «консервативной революции». Однако, как полагает Бройер, несмотря на трудности и противоречия модернизации, немцы уже к концу XIX века были в целом буржуазной нацией, а принципы буржуазного политического сознания глубоко укоренились среди правящей элиты, в том числе и в её консервативных кругах [7, s. 23].

Возникновение идеологии «консервативной революции» стало возможно, согласно Бройеру, в результате острого кризиса буржуазного сознания и процесса модернизации в Германии в ходе Первой мировой войны. Не меньшее значение для появления «консервативной революции» имело психологическое и ментальное единство ее деятелей, принадлежащих в своем большинстве к одному поколению образованных юношей из буржуазных семей [7, s. 47 – 48]. Крах прежнего мира, отступление немецкой культуры перед натиском западной цивилизации, острое переживание неустойчивости модерна – с одной стороны, активизм, авантюризм, воля к жизни и власти – с другой, были той гремучей смесью, из состава которой формировалась идеология «консервативной революции».

В чем же, по мнению Бройера, заключалась сущность «консервативной революции» и можно ли данное явление обозначать подобным термином? Главный тезис Бройера звучит следующим образом – «консервативная революция» не была консервативна в том смысле, в каком ее понимают. Несмотря на апелляцию к традиционным формам политического сознания и использования символов немецкого консерватизма, она явственно несла черты модерна [7, s. 180]. Бройер считает, что и само понятие «консервативная революция» не совсем удачно. Оно скорее запутывает рассматриваемый феномен, нежели проясняет его. Нельзя выделить общее мировоззренческое ядро у её представителей, что исключает целостность и самого феномена. Ошибочность прежних исследовательских подходов Бройер видит в том, что все дискуссии о «консервативной революции» связы-

вали ее исключительно с идеологией «особого немецкого пути» [7, s. 182]. В то время как она была проявлением «нового» национализма, к которому Бройер относит также и национал-социализм: национализма, рожденного в недрах массового общества, стремившегося разрушить узкоклассовые интересы «старого» консерватизма и рассматривающего нацию как единое целое. «Консервативная революция» была ни чем иным, как одним из проявлений кризиса буржуазного сознания в Веймарской Германии в форме «нового» национализма.

Подход Бройера к изучению «консервативной революции» явственно несет в себе черты историко-социологической концепции консерватизма и сближает его позицию с точкой зрения Х. Герстенбергер и П. Кондиласа. Книга Бройера вызвала дискуссию в современной германской гуманитарной мысли по проблемам и сущности «консервативной революции» и придала новый импульс ее дальнейшему исследованию. Сформировалась своеобразная контрверза Мюллер – Бройер, как выражение двух полярных подходов в историографии «консервативной революции».

Проблема выявления модернистских черт «консервативной революции» стала лейтмотивом исследования Р. П. Зиферле. В центре его внимания находится проблема отношения «консервативных революционеров» к технике и техническому прогрессу. Техника, согласно Зиферле, является важнейшим признаком модерна. «В центре нашего исследования находится отношение «консервативной революции» к модерну, в особенности к технической цивилизации», – констатирует он [11, s. 25]. Однако Зиферле не ограничивается анализом только этой, хотя и важной, но, всё же, частной проблемы. За проявлением внешних форм «модернистского» сознания «консервативных революционеров» Зиферле пытается выявить их общее восприятие современности и дать характеристику мировоззренческих и идеологических установок радикального консерватизма в Веймарской республике.

Зиферле призывает различать в европейской истории проект модерна и реальность модерна. Он считает, что проблему модернизации следует рассматривать двояким образом: либо как процесс претворения в жизнь проекта модерна, либо как процесс становления культурной объективности (аналогично понятию «рефлексивной модернизации» у Бройера), а «консервативную революцию» и национал-социализм следует понимать как реакцию на проблемные поля современности.

Рассматривая сущность праворадикальных движений 1920 – 1930-х гг., Зиферле приходит к выводу о правомерности использования термина «консервативная революция», так как за его содержанием скрывается специфическая форма консерватизма. Зиферле предлагает следующую идеально-типическую шкалу политического ландшафта в Веймарской республике: гуманистический либерализм, марксистский социализм, «консервативная революция» [11, s. 21 – 22].

Зиферле видит истоки «консервативной революции» в реакции части крайне правых на кризис либерализма и социализма конца XIX – начала XX вв. Возникновение правого радикализма стало, по мне-

нию Зиферле, специфическим ответом на кризис либерализма и социализма [11, s. 11]. Становление «массового общества» требовало нового опыта преодоления политических конфликтов. «Консервативная революция» бала специфическим ответом справа на проблему влияния технической цивилизации на традиционные ценности. Этот ответ основывался не на радикальной критике техники, а на попытке её революционного преодоления. Подводя итог своим размышлениям, Зиферле высказывает, на наш взгляд, весьма интересную идею о том, что «консервативная революция» и национал-социализм были направлениями не альтернативными модерну, а проектами альтернативного модерна [11, s. 221]. Эта мысль Зиферле созвучна взглядам известного современного немецкого философа Питера Козловского, также говорившего об альтернативности проектов модерна [1, s. 7 – 8].

Томас Рокрэммер предложил рассматривать анти-модернистские тенденции в Германии конца XIX первой трети XX вв. не в контексте проявления идеологии различных реакционных движений, а как естественную реакцию на кризис процесса модернизации [10]. Он выстраивает свое исследование вокруг правых концепций критики цивилизации и модерна, которые признавали факт индустриализации и технизации современного мира и в рамках этого признания пытались разрабатывать свои альтернативные проекты понимания современности. По мнению Рокрэммера реконструкция антицивилизационных идей германских правых неизбежно ведет к дискуссии о сущности модерна.

Рокрэммер отмечает неоднозначность смыслового содержания термина «консервативная революция», но который, на его взгляд, тем не менее, придает некую

целостность противоречивому характеру феномена скрывающегося за ним. Рокрэммер полагает, что «консервативная революция» не была консервативной в общепринятом смысле этого слова, но ее следует считать консервативной вследствие тех, идеалов которые она проповедовала: стабильного, основанного на неизменных ценностях и традициях общественного устройства. В этой связи Рокрэммер считает оправданным для более точного определения феномена «консервативной революции» использовать понятие «реакционный модерн», под которым он подразумевал представителей экстремистского крыла немецких правых в Веймарской республике «консервативных революционеров» и национал-социалистов. «Реакционные модернисты» проповедовали идею другого модерна, противоположного буржуазно-либеральному пониманию прогресса. Они были реакционны в выражении своей антидемократической политической ориентации, но современны в желании использовать достижения цивилизации в своих целях. «Консервативные революционеры» не питали иллюзий относительно возможности возврата к предполитическому довоенному состоянию немецкого общества, а пытались искать форму общественного устройства способную, по их мнению, одновременно быть и современной, и альтернативной буржуазно-либеральному пониманию модерна.

Германская историография рассматривает «консервативную революцию» как одну из форм идеологии эпохи «массового общества», которая в образе праворадикального модерна, предлагала альтернативную буржуазно-либеральной и социал-реформистской модель современности. Для Германии 1920-х гг., и особенно 1933 – 1945 гг., этот образ стал реальной исторической альтернативой.

Литература

1. Козловский, П. Миф о модерне: поэтическая философия Э. Юнгера: [пер. с нем.] / П. Козловский – М.: Республика, 2002. – 239 с.
2. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1.
3. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Т. 1: Гештальт и действительность.: [пер. с нем.] / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
4. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы: [пер. с нем.] / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
5. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли: [пер. с нем.] / Э. Юнгер. – СПб.: Наука, 2000. – 539 с.
6. Beck, U. Die Erfindung des Politischen: zu einer Theorie reflexiver Modernisierung / U. Beck. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. – 302 s.
7. Breuer, S. Anatomie der Konservativen Revolution / S. Breuer. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. – 232 s.
8. Kondyles, P. Konservativismus. Geschichtlicher Gehalt und Untergang / P. Kondyles. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1986. – 553 s.
9. Peukert, D. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne / D. Peuker. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1987. – 313 s.
10. Rohkrämer, Th. Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880 – 1933 / Th. Rohkrämer. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1999. – 404 s.
11. Sieferle, R. P. Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer / R. P. Sieferle. – Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1995. – 250 s.
12. Vollnhals, C. Oswald Spengler und Nationalsozialismus. Das Dilemma eines konservativen Revolutionärs / C. Vollnhals // Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte, Tel Aviv 13. – 1984.

13. Vollnhals, C. Praeceptor Germaniae. Spenglers politische Publizistik / C. Vollnhals // Völkische Bewegung – Konservative Revolution – Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur / Hrsg. von W. Schmitz, C. Vollnhals. – Dresden: Universitätsverlag, 2005. – S. 117 – 137.

Информация об авторе:

Терехов Олег Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, 8-384-2-58-06-01, terehov1968@mail.ru.

Oleg E. Terekhov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.